

Порошин Анатолий Васильевич,
кандидат технических наук,
старший научный сотрудник

Служба в 45-м институте

Порошин Анатолий Васильевич. Родился в 1933 г., полковник в отставке, участник Великой Отечественной войны с 20 мая 1944 г. Сын полка, окончил АРТА в 1958 г., с 1958 по 1961 г. — в 10-м ГНИП, начальник РЛС, старший инженер-испытатель, с 1961 по 1973 г. — во 2-м ЦНИИ МО — младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, с 1973 по 1977 г. — в НИЦ СПРН,

заместитель по НИР, с 1977 по 1987 г. — в 45-м ЦНИИ МО, старший научный сотрудник, начальник лаборатории, начальник отдела. Кандидат технических наук, старший научный сотрудник. Награжден орденами и медалями.

В 45-м институте мне сразу повезло. Я был назначен в дружный и слаженный коллектив отдела, который возглавлял талантливый ученый, исключительно порядочный и обаятельный человек Эдуард Арсеньевич Пономарев.

Я благодарен Цейтленку А.М., Порсеву В.И., Нештенко О.П., Костенко О.М., Целищеву И.С., Мозжегорову В.Н., Ружину О.К., Якубовскому С.В. и всем остальным сотрудникам отдела, с которыми мне пришлось трудиться в тех непростых условиях и которые помогли мне в работе. Первой серьезной работой, которой пришлось заниматься моей внештатной лаборатории, явилось внедрение и испытания усовершенствованной боевой программы РЛС «Днепр», стоящей на боевом дежурстве.

Радиотехнический институт в лице Владимира Ордановича и Виталия Зарецкого, талантливого молодого ученого, разработал новую боевую программу РЛС «Днепр», которая за счет ее оптимизации и внедрения детища Зарецкого фазо-траекторного накопления (ФТН) должна была улучшить характеристики станции почти по всем ее показателям в полтора–два раза. Когда мы встретились в их институте, Виталий сказал: «Толя, как хорошо, что ты снова с нами, и если ты поддержишь нас, то с твоей энергией мы победим». Немногие верили, что без существенных доработок аппаратуры можно достичь результатов в полтора-два раза больших. Я внимательно выслушал их идеи и, убедившись в их правильности и реализуемости, сказал: «Ребята, вперед! Я с вами!». Позвонил главному конструктору Репину:

«Владислав Георгиевич, сможешь принять трех «прожекторов» с новой идеей?» — «Толя, я всегда готов тебя видеть и рад твоему звонку», — ответил Репин. Репину не нужно было долго объяснять задумку, он все схватывал на ходу. Получив его полное одобрение, ребята обнародовали свою новую боевую программу. Начались работы по ее внедрению. Возглавил их от Радиотехнического института Володя Орданович, от ЦНПО «Вымпел» — главный конструктор командного пункта системы Александр Владимирович Меньшиков (мы его звали «князем») и от 45-го СНИИ эти работы возглавил я. Все калининские наработки — критика КИМСов и методик испытаний, анализ функционирования РЛС по реальным пускам БР, все сейчас пригодилось. Я знал четко, что делать и как делать. Поляк Ю.В. был бесконечно рад, увидев меня опять в общем старом строю. ГУВ поддержал идею. Шаракшанэ А.С. был настроен скептически. Армия предстоящие работы встретила без энтузиазма. Ведь реализовать, а потом испытать более десятка РЛС с усовершенствованной программой для нее было весьма хлопотно. И вот сначала заводские, а потом Государственные испытания головного образца РЛС «Днепр» с усовершенствованной боевой программой на Балхашском узле СПРН. Председатель комиссии — начальник оперативного отдела войск ПВО генерал Борис Александрович Назаркин. Заместители — В. Орданович, начальник оперативного отдела армии СПРН полковник Всеволод Иванович Моторный и я (по совместительству председатель первой подкомиссии по проверке основных тактико-технических характеристик станции). Первое заседание комиссии открыл Б. Назаркин анекдотом: «Учитель математики попросил физкультурника провести урок. Последний сказал, что он в математике ничего не смыслит, но согласился. Придя на урок, он задал ученикам задачу: «Телега везет семь ящиков гвоздей, в прикупе черви, сколько мне лет?» Один из учеников поднимает руку: «Двадцать восемь». — «Правильно, а как ты определил?» — «Мне четырнадцать, отец меня называет полудурком».

«Так вот, чтобы у нас такого не было», — заключил Назаркин. С этого момента, с чьей-то легкой руки, мы начали называть председателя Базаркиным. На заседании выступил Моторный, имевший четкие указания от командарма не начинать испытания. Свое предложение он мотивировал неготовностью как боевой программы, так и инструмента испытаний — КИМСа. Предъявленные протоколы о готовности он игнорировал, выполняя указание начальства.

Представитель ГУВа, умный и рассудительный подполковник Володя Баистов, впоследствии ставший начальником ГУВ, поддержал Ордановича и меня. Базаркин всего и всех боялся, не понимая сущности проблемы, совершенно не разбираясь в радиолокации, он не знал, чью сторону принять. Конечно, ему ближе (по занимаемой должности) была позиция армии. Два дня продолжались телефонные консультации Назаркина и Моторного со своим руководством. Решения не было. Мы с Ордановичем никуда не звонили и занимались делом. Так прошло два дня. Мне терять было нечего, и я уже давно ничего не боялся. На очередном заседании комиссии я официально заявил: «Я и группа моих сотрудников завтра утром покидаем объект и возвращаемся домой». В группу сотрудников от нашего института входили Нештенко О.П., Ружин О., Матвеев Анатолий — это от моей лаборатории. Из отдела программистов Шахина В.П. — Панов Ю.А., Мартьянов Ю.Н., Поляков В.С. Такое же заявление сделал Орданович В.Е. Аналогичное заявление сделал Баистов В.Г. Назаркин не разрешил этого делать. На что я заметил, что я подчиняюсь председателю комиссии, но поскольку комиссия не работает,

то я имею честь игнорировать ваши приказания. Мы дружно покинули заседание. Через час было объявлено новое заседание, где было принято решение о начале испытаний.

Испытания проходили быстро и весьма успешно. Действительно, они были на этот раз хорошо подготовлены. Встала проблема, как оценить вклад детища Зарецкого В.И. – режима ФТН в повышение характеристик станции. Решили, что самым простым способом сделать это «по-крестьянски»: набрать статистику без ФТН, а потом с ФТН и результаты сравнить. Но кто разрешит отключить эту систему? Случай подвернулся. Назаркин уехал на доклад к Главкому, а я остался за председателя. Начали отключать это устройство. «Разбросали» полстанции, а ФТН работает. Потом Слава Камаев – один из лучших аппаратурщиков – сообщил: «Дальше разбирать нельзя, боюсь, что не смогу собрать».

В дни, когда шли испытания и все дразги с В. Моторным были позади, мне позвонил Пономарев и спросил в полушутку: «Что ты там хулиганишь, Анатолий? Або взбешен, послал к тебе срочно Кононенко (заместитель начальника управления)». На объект приехал Григорий Васильевич. Я ему доложил о перипетиях начального этапа и результатах испытаний. «Почему не докладывал?» Я ответил анекдотом: в церкви рядом стоят на коленях русский и грузин. Каждый молится о своем. Грузин: «Чтобы мне продать мандарины, как в прошлом году» и так много раз. Русский: «Чтобы мне получить тринадцатую зарплату» и т.д. Грузин спрашивает русского: «Сколько составляет твоя тринадцатая зарплата?.. На тебе деньги, не отвлекай Бога по пустякам». А если серьезно, то если бы мне нужна была помощь руководства, то я обязательно бы позвонил». Последующие разговоры с Баистовым и Ордановичем его окончательно успокоили, и он уехал довольный хорошей организацией испытаний. Закончились испытания головного образца. Полученные характеристики превосходили по многим показателям ожидаемые. Предстояло внедрение программы на всех оставшихся станциях с проведением испытаний на каждой из них. С Ордановичем составили план-график с определением последовательности работ. Испытания выливались не в один год непрерывных работ на объектах. Обсуждая ситуацию, сложившуюся с кадрами алгоритмистов (моя лаборатория) и программистов (отдел Вячеслава Шахина), пришли к выводу, что наши специалисты «загнутся» на этих работах и мы столкнемся с моральными проблемами, распадом семей и т.д.

Не помню, кому из нас (Шахину или мне) пришла идея срочно поставить в НИИЦ вторую ЭВМ 5Э73 и на этой спарке проводить 90 % испытаний с привлечением специалистов с объектов. Я доложил эту идею Шаракшанэ. Он предложил написать письмо на имя начальника ГУВ. А через час он вместе с Ерохиным поехал с письмом. В ГУВе идея была одобрена и тут же найдена новая ЭВМ. Но ЦНПО «Вымпел» и главный конструктор НИИЦа были категорически против. Прошло совещание в институте с участием ГУВ, ЦНПО «Вымпел», нас и Рожкова. Идея была настолько прозрачна, а важность ее реализации настолько велика, что отклонить предложение ни у Головкина, ни у Рожкова не хватило аргументов. Опять я нажил себе врагов, теперь уже со стороны всемогущего «Вымпела», и укрепил «вражеское» отношение Рожкова. Но время внедрения новой боевой программы на РЛС было сокращено в несколько раз с повышением качества испытаний.

Была создана новая комиссия по внедрению УБП на всех станциях системы предупреждения и их испытаний для сдачи войскам. Председателем был назначен командующий армии СПРН генерал-лейтенант Николай Иванович Родио-

нов, заместителями — Орданович и я. На НИИЩе проводились испытания УБП с помощью КИМСа, устранялись недостатки в УБП, составлялись соответствующие протоколы с участием специалистов тех станций, где должна была внедряться УБП. Работа была поставлена на поток, и с ней успешно справлялись мои подчиненные теперь уже штатной и усиленной лаборатории. Выговор с меня сняли, я даже не помню, как это происходило. Правда, на каждой станции были свои трудности и нюансы, которые приходилось преодолевать. Председатель комиссии решил на месте ознакомиться с работой станции с УБП на головном объекте. Он попросил начальника института генерал-лейтенанта Юрия Гавриловича Ерохина отправить меня с ним в поездку. Я был не в восторге. К подобным поездкам еще в бытность работы в Калининне меня привлекал командующий ПРО и ПКО генерал-полковник Юрий Всеволодович Вотинцев, сын отважного командира, громившего басмачей в Туркестане. Он проводил нудные многочасовые совещания на местах без перерывов. Сам курил сигарету за сигаретой, но другим это запрещалось. В какой-то момент он поднимал меня вопросом: «А что думает по этому поводу наука?» А вот теперь Родионов. На самолете командарма мы вылетели из Клина. Я знал станцию и УБП на уровне разработчиков, а боевые расчеты ни то, ни другое еще не освоили. Кроме того, субординация не позволяла Николаю Ивановичу прибегать к их услугам. Я ему популярно объяснил, как и что работает и откуда появился «навар». Надо отдать должное командарму. Память у него была превосходная, и соображал он неплохо. На обратном пути он называл меня профессором, и за обеденным столом всегда приглашал сесть рядом. Вернувшись, едва успел «разгрести» накопившиеся дела, как снова поездка с Родионовым. Член Политбюро, маршал Устинов должен был посетить Севастополь для вручения городу ордена в связи с каким-то юбилеем. В планах маршала значилось посещение нашего узла. На месте за ночь я набросал эскизы плакатов, которые тут же шли в работу, и короткий доклад. Днем «натаскал» командарма по станции и боевой программе. Были в полной готовности, все блестело, был приготовлен царский обед. Но Устинов к нам не пожаловал, проехал мимо к отдыхавшему на даче Брежневу. Уничтожили маршальский обед, и в обратный путь. Самолет был загружен фруктами, в ящиках сидели живые гуси. Подали закуску. Спиртного не было. Я ни к чему не притрагивался. «Почему не ешь, академик?» — обратился ко мне командарм. «А в дороге я не привык на сухую», — ответил я, улыбаясь. Он подал знак, и тут же появился спирт. Он продолжал называть меня академиком. На это обращение я в шутку заметил: «Что-то я очень быстро расту у Вас: на Балхаше — профессор, в Севастополе — академик, как бы не скатиться в рядовые». — «Все может быть», — смеясь, ответил Родионов. И как в воду глядел. Этот скат произошел, правда, не по моей вине. Командарм серьезно испортил отношения с ГУВом. Разборка проходила в кабинете Главкома. Самоуверенный командарм приехал один, без помощников. А ГУВ представляли генерал-лейтенант Ненашев, его заместитель генерал Петров и два начальника отделов ГУВ с папками документов. Этой компанией они посадили командарма в «лужу». Поскольку он ГУВ победить не смог, то все свои претензии перенес на институт, подчиненный ГУВу. А ближе всех и часто с ним встречавшимся как заместитель председателя был я. Поэтому все «булыжники», предназначавшиеся для ГУВа и института, стали обрушиваться на меня. В это время возникли трудности с двумя РЛС Рижского узла, где на работу станций существенное влияние оказывали помехи от полярных сияний. УБП не всегда селективировало эти помехи. От них завязывались ложные траектории БР. Я занимался этими помехами еще в Калининне, пытался создать модель этих помех, но дело не довел до конца в

связи с переводом в НИИЦ. Председатель послал меня на Рижский узел с указанием не покидать его до полного завершения работ. А требование командарма — пропустить все моделируемые налеты БР на фоне авроральных помех — было справедливым, но трудновыполнимым. В районе Мурманска работала лаборатория Академии наук, изучавшая полярные сияния. В НИИ—2 над этой же проблемой работала тоже группа сотрудников из пяти человек. Но модели пока еще никому сделать не удалось. Я связался с Сиротининым с просьбой помочь, но ответ получил неутешительный: «Того, что тебе надо, у нас еще нет». Забрал на объект своих лучших специалистов — двух Олегов — Нештенко и Ружина. С нами вместе дружно работали программисты из отдела Шахина В.П. — Юрий Панов, Юрий Мартьянов, Виктор Поляков и другие. Нужно отметить, взаимное понимание с Шахиным В.П. у нас возникло еще при работе в НИЦе. На месте набирали статистику по помехам, работали с перерывами только на прием пищи, прямо на станции, и на сон. Модель-таки сделали и вполне приличную. Встала проблема, как ее «втолкнуть» в ЭВМ. Ни памяти, ни быстродействия машины в резерве не было. И тут ухитрились. Началось трудное согласование модели с главным конструктором командного пункта системы Меньшиковым А.В., прибывшим на узел с группой своих «умельцев». Работать с ним всегда было трудно. Его требования к качеству информации, выдаваемой с узлов на командный пункт системы, всегда превышали реально достижимые. Мы часто ругались, правда, эта ругань никогда не переходила в личные оскорбления, мы были с ним просто по разные стороны баррикады. Вот и теперь я никак не мог согласовать с ним и представителем от войск протокол калибровки имитации этих помех в КИМСе. В конце концов, приемлемое решение было найдено, и все заинтересованные стороны подписали протокол, подтверждающий, что модель отражает реальные помехи. Я отпустил часть своих ребят домой, позвонил Пономареву, чтобы он предоставил им по несколько дней для отсыпания. Неожиданным для меня был приезд и моего руководства — заместителя по НИР генерала Перфильева и нового моего начальника управления Кононенко Г.В. Они сообщили мне о своем решении назначить меня начальником отдела надгоризонтных средств системы предупреждения. Мой прекрасный шеф Пономарев был назначен заместителем начальника другого управления. Меня это известие не особенно как-то обрадовало. Мне было приятно работать под началом Эдуарда. Конечно, в новой должности и оклад был больше, и наступало соответствие штатной категории моему званию. Испытания закончились. Пришла телеграмма от Родионова, предписывающая на другой день в 15.00 быть на заседании комиссии с докладом по результатам испытаний. Дома ждала телеграмма того же содержания и командировочное предписание. Привел себя в порядок, перекусил и отправился на электричку. Иннуля, впервые разрыдалась, прощаясь со мной. На заседании, кроме членов комиссии, присутствовали Репин, Поляк, руководство ГУВ. Мое руководство было представлено Ерохиным, Перфильевым и Кононенко. После моего доклада и ответов на вопросы Родионов тут же предложил мне подписать акт комиссии, который печатался на командном пункте. Я ответил, что прочитаю акт завтра и, если не будет моих замечаний, то сразу же подпишу. Командарм заявил: «Пока акт не подпишешь, отсюда никуда не уйдешь». И тут же приказал начальнику штаба генерал-лейтенанту Завалию изъять мой пропуск из ячейки. Ерохин, Перфильев и Кононенко дружно заступились за меня: «Почти два месяца дома не был, пусть хоть переночует и детей пересчитает». «Женщину мы ему и здесь подыщем», — был короткий ответ уходившего с заседания Родионова. Эти же меры распространялись на Ордановича. А получилось так. Ерохин посадил меня в свою «Вол-

гу», и мы вместе с Перфильевым и Кононенко выехали через КПП. В генеральных машинах пропуска не проверяли. Орданович выехал вместе с главным конструктором Репиным и Поляком. Слезы жены, когда я уезжал на заседание комиссии, как выяснилось вечером, объяснялись не только разлукой, но и ситуацией с Ларочкой. Она решила выйти замуж за молодого интересного лейтенанта Андрея Сидорова, служившего в НИИЦе. Он уже был женат и разведен. Иннуле этот выбор дочери пришелся не по душе, и она была категорически против этого брака. Из «гадкого утенка», как Ларочку с любовью называла иногда Иннуля, выросла обаятельная, интересная девушка, энергичная, веселая, умевшая «завести» компанию.

Еще в школьные годы ухажеров у нее было предостаточно. Под впечатлением выпускного вечера она решила поступать в педагогический институт. С огромным трудом удалось отговорить ее от этой затеи. Успешно сдала экзамены в Институт связи. От парней не было отбоя. К тому же начали возвращаться после окончания военных училищ друзья ее детства. Нам с супругой больше всех нравился Кирилл, невысокого роста, обаятельный, с гагаринской улыбкой парень, носивший ее буквально на руках. Он был племянником известного в то время журналиста Дунаева и окончил институт военных переводчиков.

У Ларочки с Андреем все было решено и что-либо изменить было уже поздно. Вот так-то Рижский узел отозвался в жизни моей семьи.

Опять подготовка к свадьбе. Пошли по апробированной схеме. Сняли банкетный зал, теперь уже в Строгине. Валера из Мукачево с кем-то передал две двадцатилитровые бутылки вина. Благо, что наши мудрые Горбачев и Лигачев еще не успели под корень вырубить все виноградники в борьбе за искоренение пьянства на Руси. Коля, будучи в командировке в Минчгауре, привез двадцатилитровую канистру дешевого коньяка, не то по четыре, не то по пять рублей за литр. Свадьба прошла отлично. Тот же стол, что у Ирочки и Коли на свадьбе. Тот же домашний стол на другой день. После свадьбы молодые жили некоторое время у нас, потом сняли частную квартиру и снова вернулись в ожидании рождения ребенка. Родилась первая наша внучка Сашенька. Ирочка и Коля с этим делом не торопились. Но все это было позже.

На другой день я внимательно прочитал акт, внес некоторые поправки и подписал его. Володя появился только через пять дней после звонка Родионова министру радиопромышленности. После подписания акта Родионов приказал мне немедленно возглавить испытания в Иркутске. Там никаких проблем не было, с работами успешно справлялся Олег Ружин. Я и сам собирался вместе с Ордановичем полететь туда, предварительно решив текущие дела отдела, которого я еще фактически не принимал. Родионову же я ответил, что готов вылететь хоть сейчас, если он обеспечит билет на самолет и даст машину доехать до аэропорта. Эти вопросы он предложил мне решать самому. На этом мы и расстались. Ерохин при встрече сказал: «Я раньше думал, что для работы с Меншиковым тебе нужно выдавать молоко за вредную работу, а, наглядевшись на командарма, не знаю, что тебе и выписывать». Потом пошел серьезный разговор об отделе, который я возглавил. Американцы устанавливали свои ракеты «Першинг» в Западной Европе. Вся доктрина стратегического равновесия между СССР и США основана на том, что, кто бы ни напал первым, система предупреждения давала возможность обнаружить нападающие ракеты, оценить масштаб удара и успеть поднять свои ракеты в ответном ударе. Поэтому одна страна погибала, а другая тоже, только позже, т. е. война была бессмысленна. Теперь время на принятие решения и организацию ответного удара сокращалось настолько, что это дело практически было невы-

полным. На разных стадиях в работе находились восемь радиолокационных узлов и восемнадцать радиолокационных станций: одни несли боевое дежурство, другие проходили испытания, третьи — разрабатывались. И на каждой из этих станций требовались наши усилия, степень которых была разной. Одним из преимуществ внедряемой на РЛС «Днепр» усовершенствованной боевой программы являлось как раз существенное сокращение времени предупреждения и повышение достоверности выдаваемой информации. Но проблема кардинально не решалась. Нужно было находить новые решения, изыскивать другие средства, имеющиеся на вооружении в других родах войск. И этими вопросами вплотную занялся наш отдел. Его мне принимать фактически было не надо — все бумаги я подписал, не глядя, ибо все дела и людей знал хорошо, никаких новых задач не ставил. Мой заместитель, пришедший в институт после окончания Института связи, тоже знал свое дело прекрасно. Через пять дней я вылетел в Иркутск. Еще в Риге мы с Кононенко договорились о должностных передвижках в связи с моим назначением. Начальником лаборатории стал Нештенко, старшим научным сотрудником — Ружин. Олег Ружин встретил меня в Иркутске несколько обиженным. «Вы что, Анатолий Васильевич, не доверяете мне?» Я ему рассказал ситуацию с командармом и пообещал совершенно не вмешиваться в организованную им работу. Тогда он предложил мне воспользоваться случаем и отдохнуть. Поскольку разница во времени с Москвой была шесть часов, то он предложил до 15.00 вообще не появляться на объекте. Рядом была река Белая, погода стояла отличная, в отличие от Москвы, где непрерывно лил дождь. Загорал, купался, пытался читать, но мысли о работе, об отделе не оставляли меня...

Испытания закончились. Подписали все протоколы и акт, которые я утвердил за председателя, и вернулся в родные пенаты. Все комнаты отдела оказались забытыми неизвестными мне разработчиками. Порсев познакомил меня с главным конструктором РЛС «Имбирь». Эта станция предназначалась для ПВО сухопутных войск. Ее вплотную рассматривали на предмет размещения в Восточной Германии и Чехословакии для использования в системе предупреждения. Порсев с обидой рассказал, что, хотя основная тяжесть работ по рассмотрению этой станции легла на наш отдел, на рекогносцировку в Германию и Чехословакию ездили генералы из ГУВа и Генерального штаба. Но вместе с тем он восторженно говорил, что внедрять и испытывать эти станции придется нам, а это значит — престижные заграничные командировки.

Уже находился в печати акт о включении этих станций в состав СПРН. В первый же день я договорился с главным конструктором Нечаевым посмотреть его станцию. Оказывается, до меня эту станцию никто в глаза не видел, рассмотрение проходило по техническим описаниям и проектам. Меня насторожило, что Нечаев неохотно согласился показывать станцию. С группой сотрудников отдела мы посетили его конструкторское бюро, где нам показали живую радиолокационную станцию, смонтированную на танке. Главный конструктор, разработавший прекрасный локатор для сухопутных войск, был заинтересован в продвижении своего детища в популярную систему предупреждения и «подавал» станцию в светлых тонах. Я задал ему несколько вопросов о возможности ее непрерывной работы и надежности в этих условиях. Залез вместе с Порсевым и начальником лаборатории Виктором Мармолюковым в танк. Вспомнил свою трехсуточную непрерывную работу на станции «Бинокль» 18-го объекта полигона на испытаниях, мою учебу на Мурманском объекте, когда я целыми сутками дублировал боевое дежурство штатных расчетов. Там было очень тяжело. Но как в этом танке просидеть

двадцать четыре часа? Мое впечатление было ужасающим. Я сразу понял для себя, что свою подпись на использование этой станции в нашей системе я не поставлю. Пусть подписывают Порсев, который возглавлял работы в мое отсутствие, Кононенко и Ерохин. Станцию нельзя было использовать по двум причинам. Она, по замыслу ее создания, не предназначена для непрерывной работы в течение длительного времени, как наши радары, способные «пахать» десятки лет непрерывно, имея резервные «линейки», переключаемые автоматически в случае неисправностей.

Кроме того, во всех аппаратных просторные залы, а тут танк. Чтобы восполнить пробел с надежностью, можно было ставить десяток таких танков, а вот условия труда операторов никак не улучшить. А работу и психологию операторов я понимал и чувствовал нутром. Этого не понимали мои сотрудники, не прошедшие моей школы. Не мог понимать и Порсев, после институтской скамьи попавший в военный институт не без помощи своего отца, бывшего политработника, не утратившего связи с действующими друзьями.

На другой день я внимательно ознакомился с технико-экономическим обоснованием «принятия» этой станции в нашу систему. Оказывается, наши друзья-демократы за аренду земли и эксплуатацию систем передачи информации на командный пункт системы предупреждения затребовали такие колоссальные суммы в долларах, что мне стало просто дурно. Решение станцию «Имбирь» не брать в систему созрело окончательно. По крайней мере, твердо решил, что я нигде не поставлю своей подписи. Но что это значит? Я иду один практически против всех: отдела и Порсева, которые «мусолили» станцию полтора месяца, Кононенко и Ерохина, «созревших» до этой идеи. Наконец, против ГУВа, генерала Петрова, побывавшего за границей на реконсцировке. Что делать? Идти на сделку с совестью, чего я себе никогда не позволял, и согласиться, и пусть оно течет, как ими задумано. Решил: били меня, пусть добьют, но против совести не пойду.

Первый разговор был с Порсевым. Я понимал, как непросто было ему согласиться с моими доводами. Но он человек умный, и после часовой беседы согласился со мной. Второй разговор был с начальником управления Григорием Васильевичем Кононенко, к нему пошли вместе с Валерием Порсевым. Разговор был непростым. Как я ожидал, Кононенко высказался в том духе, что, наверное, поторопились с назначением меня на должность начальника отдела, ибо я боюсь брать ответственность на себя. Но Кононенко, на год раньше меня вместе с Ерохиным окончивший Харьковскую академию, был достаточно умен и понял допущенную ошибку. Конечно, сначала он смотрел на меня, как на врага народа, но здравый смысл взял верх. При этом я брал вину на себя, говоря, что мы допустили ошибку (имея ввиду себя, как начальника отдела). Позиция, когда я брал фактически всю вину на себя, сработала и при докладе Юрию Гавриловичу Ерохину. Акт комиссии был срочно переделан и вместо заключения «включить станцию «Имбирь» в состав СПРН», был сделан вывод о невозможности ее использования в системе. Теперь нужно было пройти еще ГУВ. Туда мы поехали втроем: Ерохин Ю.Г., Кононенко Г.В. и я. Разговор был трудным, но здравый смысл и здесь возобладал. И Ненашев М.И., и его заместитель генерал Петров согласились с доводами института. В качестве альтернативы мы предложили нашим традиционным разработчикам — Радиотехническому институту и Институту дальней радиосвязи выдать техническое задание на разработку на конкурсной основе на базе имеющейся аппаратуры быстроразвертываемых низкопотенциальных станций. Это предложение было принято, и мне поручили

разработать такое ТТЗ. Ерохин Ю.Г. воспользовался этой ситуацией, чтобы поднять вопрос о скорейшем переводе из НИИ—2 сотрудников оперативно-тактического направления. Ненашев М.И. пообещал решить этот вопрос в ближайшие дни. Мы вышли от руководства ГУВ довольными.

Работы по завершению внедрения УБП на РЛС «Днепр» подходили к концу. Я бывал на заседаниях комиссии, подписывал акты. Часто появлялся на командном пункте СПРН, когда возникало непонимание между КП СПРН и узлом. Рабочие отношения с Меньшиковым наладились. Рабочие отношения с Главным конструктором СПРН Репиным В.Г. были традиционно хорошими. Поляк Ю.В. практически во всем поддерживал меня. Пыл Родионова тоже поостыл. Отношения с Кононенко и Ерохиным перешли в служебно-товарищеские, оба они мне доверяли. Но в отделе была проблема — недостаточный уровень научной подготовки сотрудников. И я предложил в месячный срок представить на обсуждение НТС отдела планы-перспективы кандидатских диссертаций. Кроме того, по предложению начальника управления была начата работа на соискание премии Ленинского комсомола сотрудниками до 30 лет.

Как-то при встрече Орданович спросил меня: «Что ты получил за внедрение УБП?» — «Ничего. А ты?» — «Развод с женой. А ты знаешь, что инструктор политотдела армии СПРН получил два ордена «За службу Родине» за внедрение УБП?». Он назвал фамилию, которую я слышал впервые. Вот так закончился этот непростой этап работы Радиотехнического института и нашего отдела.

И вот спокойная работа отдела прервалась. ЧП. Произошло дикое совпадение. Космическая система СПРН выдала информацию о старте двух БР с континента США. А на РЛС «Дарьял» Печоры из-за сбоя ЭВМ старт наших двух БР из Баренцева моря по Камчатке классифицировался как старт американских ракет с подводных лодок, несших боевое дежурство в том же море, только севернее. Выработался сигнал предупреждения. М.С. Горбачев никакого решения не принял. А на следующий день была срочно создана комиссия во главе с заместителем министра обороны генералом армии Шабановым В.М. В нее были включены генералы из Генерального штаба, ГУВ, генерал-полковник Вотинцев, начальник штаба армии СПРН генерал-лейтенант Завалий, главные конструкторы системы, командного пункта, главный конструктор узлов СПРН Поляк Ю.В., главный конструктор РЛС «Дарьял» Иванцов В.М. От нашего института был включен я, единственный полковник в комиссии.

Комиссия в воскресенье собралась в приемной Шабанова В.М., чтобы всем вместе зайти в его кабинет. Обменялись дружескими рукопожатиями с заместителем министра радиопромышленности генерал-лейтенантом О. Лосевым, Репиным В.Г., Меньшиковым А.В., Поляком Ю.В., Иванцовым В.М., генералами генштаба и ГУВ.

В приемной появились Ю.В. Вотинцев и Завалий Н.Г. Вотинцев, со мной не поздоровавшись, начал высказывать претензии к нашему институту: «Плохо испытываем, плохие методики, плохие КИМСы и т.д.». Я понял, что предстоит серьезный бой с тяжеловесами. Конечно, уровень заместителей министров, начальника управления Генштаба, командующего войсками, главных конструкторов системы и средств никак не мог сопоставляться с моим — начальника отдела института. На моем месте должен быть Ерохин, его заместитель по НИР Перфильев или Кононенко. Но... Первым после вступительного слова Шабанова выступил замминистра радиопромышленности О. Лосев. Он заверил Шабанова, что промышленность внимательно разберется с этим случаем и примет меры к недопущению подобного в буду-

шем. Речь Вотинцева я уже фактически слышал второй раз, первый раз в приемной. Я лихорадочно думал, как вести себя и что говорить. Пропустить все выпады в адрес моего института я не мог, а это значит — обострение и так уже натянутых отношений с командованием войск. И вот Шабанов слово предоставляет мне: «Что по этому поводу думает наука?» Я сильно волновался, и первый ляп допустил в самом начале выступления, назвав Шабанова генерал-полковником. На что Шабанов в шутку заметил, что Порошин не только ложные тревоги создает, но и понижает в звании генералов. Все дружно рассмеялись. Я извинился, волнение как рукой сняло, и решил доложить. «Полностью исключить ложные тревоги можно двумя способами: первый — выключить все средства, второй (тут я подошел к доске и нарисовал кривые обнаружения и ложных тревог, известные в радиолокации) — «задрать» пороги обнаружения и тем самым снизить дальность обнаружения. Я извиняюсь, что столь высокому собранию говорю о тривиальных вещах». Тут Вотинцев «взорвался» и начал что-то выкрикивать с места. Шабанов его остановил. «Юрий Всеволодович, Вы пользуетесь недозволенным приемом. Вы понимаете, что полковник не может Вам, генерал-полковнику, ответить тем же. Пожалуйста продолжайте, Анатолий Васильевич. Мы Вас внимательно слушаем», — мягко сказал Шабанов. Я продолжал: «Проблема ложных тревог — сложная проблема, а к ее решению мы, я имею и свой институт, и организации промышленности, подходим методом пожарных: загорелось — потушили. В другом месте пожар — опять потушили. Предложение института (и тут я явно превысил свои полномочия) заключается в том, чтобы открыть НИР с участием всех заинтересованных организаций с тем, чтобы выявить все возможные источники ложных тревог и принять меры по их исключению. Товарищ генерал армии! Разрешите на этом поставить точку», — обратился я в заключение к Шабанову. Слово с разрешения Шабанова снова взял Вотинцев. Он обвинил меня в совершенно безответственном выступлении. «Товарищ Порошин предлагает нам НИР лет на пять, а нас эта проблема волнует сегодня». Я оставался стоять у доски. И теперь, уже не спрашивая разрешения, заговорил вновь: «Товарищ Порошин предлагает, как решить проблему кардинально. Само собой разумеется, что мы сегодня должны составить план-график работ, благо здесь присутствуют все компетентные специалисты, в котором будут расписаны по дням меры по устранению известных нам причин всех ложных тревог. Но я говорю о НИР, задачей которой является выявление неизвестных источников ложных тревог в аппаратуре и боевых программах. Эту НИР надо выполнить максимум за год с выпуском промежуточных отчетов ежеквартально, а, может быть, в первое время и ежемесячно. А план-график выполнения первоочередных работ мы должны составить сегодня».

Тут Репин с места: «Ну, Анатолий Васильевич, на счет сегодня ты загнул. Он привык на объектах работать без выходных и нас хочет заставить работать в его темпе. Сегодня все-таки воскресенье, у меня за накрытым столом сидят гости, а со всеми его предложениями я согласен, и завтра с утра мои умельцы приступят к работе».

Тут встал Поляк: «Мы с Иванцовым являемся главными виновниками случившегося. Завтра наши ребята вылетают на объект. С предложениями Анатолия Васильевича я полностью согласен и предлагаю поручить ему разработку план-графика и тематическую карточку на НИР». Я сразу же ответил: «Я знал всегда, что инициатива наказуема, кто предлагает, тот и исполняет, но не ожидал от Вас, Юрий Владимирович, услышать это предложение». Поляк тут же парировал: «Толечка, я знаю твои способности еще с ис-

пытаний головного образца РЛС «Днепр», проходивших в 1972 году, — всех нас построить и заставить выполнять твои распоряжения. А меня, например, Владислав Георгиевич не слушается». Репин в знак согласия кивнул головой. Шабанов В.И. зачитал проект первого решения комиссии. Редакционную группу по подготовке доклада министру обороны возглавляет Вотинцев. В состав группы входят главные конструкторы, представители Генштаба, ГУВ, войск и я. Срок готовности доклада — вторник, 9 утра. План-график работ по внедрению первоочередных доработок по устранению ложных тревог и тематическую карточку на НИР со сроком выполнения один год поручено разработать мне с участием главных конструкторов и войск. Срок — вторник. Мне было разрешено привлекать всех необходимых специалистов, включая начальника моего института.

Место работы было определено — командный пункт системы. Следующее заседание комиссии назначено на вторник в 9.00 на КП системы. Таким образом, все мои предложения были приняты. Но радости от этого у меня не возникло. Я отлично понимал, каких врагов я нашёл, что уже завтра я с ними встречу и какую подлянку они мне устроят. Меня также волновало, как воспримет мое поведение мой шеф — Ерохин.

Шабанов В.И. со всеми попрощался, крепко пожал и мою руку. Вышли все дружно. Возле подъезда стояли машины. Поляк и Репин предложили подвести меня, но я отказался. Начали прощаться. Вотинцев при этом меня не замечал. Из ближайшего автомата позвонил Ерохину домой (он меня просил об этом) и вкратце рассказал о происшедшем. На другой день в 8.00 я был на командном пункте.

В 9.00 собралась редакционная группа. «Хором» начали писать доклад. Кто-то из местных военных держал ручку, Вотинцев диктовал, ему подсказывали детали. В докладе во всех подробностях излагалось — в какие часы, минуты и секунды, что и на каких средствах произошло. Я высказал свои сомнения относительно правильности столь пространный доклад, сказав, что министру обороны доклад должен занимать полстраницы. Меня поддержал Поляк. «Раз Вы такой умный, товарищ Порошин, диктуйте текст Вы», — со злостью сказал Вотинцев. «Я не умею писать коллективно, разрешите, я попробую написать свой текст доклада». — «Пишите». Поляк вызвался помочь мне. Мы уединились в углу комнаты и примерно за час составили текст доклада. А там кипели страсти вокруг мелких, понятных только узким специалистам подробностей происшедшего. В комнате появилось мое руководство — Ерохин, Кононенко, начальник отдела, курирующий КП СПРН и только что назначенный заместителем начальника управления Елшанский В.Н., с которым я поддерживал дружеские отношения с полигона, где-то с 1958—1959 г.

Мы уединились в другой комнате. Я подробно доложил о событиях вчерашнего и сегодняшнего дня. Не успел закончить доклад, как в кабинет ворвался командарм Родионов и с порога: «Собрались... Главные виновники. Плохие методики, плохо испытываете, и т.д.». Я молчал. В перебранку с ним вступил Кононенко, а потом Ерохин. Совсем распаясь, командарм продолжал: «Я знаю как минимум двух полковников вашего института, которых я бы уже сегодня поставил к стенке». Тут я встрял: «Один — конечно я, а кто второй?..» Показал текст доклада моим начальникам. Все они были мастера по редактированию, и через полчаса текст был вполне удовлетворительный. Появились Репин и Поляк и вместе стали работать над проектами плана-графика и тематической карточки, наброски которых я уже написал. Получилось так, что главные конструкторы и наш институт работали отдельно.

Правда, в группе Вотинцева был Иванцов, Меньшиков и другие представители промышленности. Работа над основным докладом, к которой подключились Кононенко, Огнев и я, продолжалась до часу ночи.

На другой день в 8.30 у входа в здание командного пункта собрались в ожидании Шабанова генералы из Генштаба, ГУВа, Вотинцев, Родионов, Завалий, Ерохин, главные конструкторы, Кононенко, Елшанский, Огнев и я. После встречи все направились в кабинет командарма, я замыкал колонну, пропуская вперед генералов и своих начальников. Места мне и Елшанскому в кабинете не хватило, и мы устроились в прилегающей к кабинету комнате отдыха. Там был диван и несколько кресел. Чувствовал я себя после двух дней напряженки и распитой ночью с Огневым бутылки неважно. С удовольствием устроился, расслабившись, на диване. Здесь все было слышно. Шабанов поинтересовался, все ли члены комиссии в сборе. Ему ответили утвердительно. Он приступил к чтению доклада вслух. Прочитав несколько предложений, он оторвался от текста и сказал: «Что-то я не вижу Порошина, где он?» Я вышел в проход кабинета и сказал, что я здесь. «А ну-ка идите ко мне поближе». По правую руку от него был свободный стул, который он и предложил мне занять. Продолжил чтение доклада. Не дочитав первую страницу, он перевернул две следующие и сказал, что такой доклад не пойдет, много подробностей и очень длинно. Вотинцев сказал, что старались и пообещал доработать. Воцарилось молчание, которое прервал Поляк: «Анатолий Васильевич написал другой вариант доклада, может быть, стоит его посмотреть», — предложил он. «Давайте посмотрим», — согласился Шабанов. Я сказал, что доклад в тетради, не отпечатан и авторство напрасно Юрий Владимирович приписывает мне. «А что у командарма нет машинисток?», — со строгостью спросил Шабанов. Встал Родионов, лицо его побагровело. «Все отпечатаем за 40 минут, товарищ генерал армии», — ответил Родионов. Доклад помешался на полутора страницах рукописного текста. Шабанов быстро пробежал текст глазами и сказал, что этот вариант доклада пойдет, если его чуть-чуть доработать, но это смогут сделать только его помощники, имеющие опыт составления докладов министру.

Потом Шабанов спросил о выполнении поручения, срок которого истекал завтра. Я доложил, что план-график готов и согласован со всеми, за исключением командарма. Тематическая карточка готова и согласована со всеми. Только материалы не отпечатаны. «Николай Иванович, Вы что саботажом занимаетесь в своей вотчине?», — строго спросил Шабанов командарма. Родионов встал, лицо у него было пунцовым. «Все сделаем через 40 минут». «Завтра к 11 часам «План-график» и «Тематическую карточку» привозите ко мне на утверждение», — приказал Шабанов. Мне было жалко Родионова. Мы вместе с Ерохиным пару раз подходили к командарму, чтобы он посмотрел материалы, но он каждый раз отказывался, хотя не был занят. Когда я подошел один, он послал меня куда подальше.

Заседание комиссии Шабанов назначил на завтра, в 11 часов. «Все свободны».

К приезду Шабанова был приготовлен обед, но он, сославшись на занятость, уехал. Уехали Лосев, генералы из Генштаба, ГУВа. Остальные отправились в столовую. Стол ломился от всевозможных закусок, только спиртное убрали, осталось пиво. Мы с Огневым сели рядом и с жадностью набрались на еду, тем более, что позавтракать не успели.

Таковы отдельные эпизода моей воинской и научной службы в 45-м институте.